

скими интересами большевиков, игнорированием ими национальных интересов. К этому добавлялась неспособность правящих кругов Закавказья создать единую систему обороны.

Примечания

1. Тевзадзе В. Записки грузинского офицера (на грузинском языке). - Тб.: «Мецниереба». - 1999. - С. 11.
2. Цквитария П.К. Из истории Аджарской коммунистической организации (1917-1922 г.г.) (на груз.яз). - Батуми.: «Сабчота Аджара», 1973. - с.71.
3. Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. - Тифлис, 1919. - С. 71.
4. Цквитария П.К. Указ. соч. - С. 52-55.
5. См. ЦГИА Грузии, ф. 1854, оп. 1, д. 72, л-л 1-24.
6. См. «Борьба за победу Советской власти в Аджарии» (сб. документов 1917-1921 г.г.). - Батуми: «Сабчота Аджара». - 1961. - С. 102-103.

Summary

The work 'On the Issue of Trabzon Front Disintegration (1917-1918)' deals with the issue of the disintegration of the Caucasian front of Russia during the World War I. It shows that its main reasons were the general chaos and anarchy created in Russia after the famous in 1917, also the demolishing of military discipline in the army, and narrow interests of Caucasian Bolsheviks who propagated deserting the army voluntarily with the aim of weakening the government.

The materials preserved at the Central State History Archive of Georgia give evidence that Bolsheviks from Trabzon, also received monetary assistance from German and Turkish special services for such kinds of anti-state activities.

A.A. Трунов

Пуританизм, революция и проблема политизации национальной мифологии

Одной из наиболее характерных и существенных черт Английской революции 1640 - 1660 гг. было своеобразие мифологической драпировки ее национальных политических целей. Штурм твердынь феодализма в Англии начался с атак на англиканскую церковь - религиозный государственный институт, призванный посредством ритуально-мифологического продуцирования образа монарха как бытийного воплощения и суверенного носителя Божества обеспечивать легитимизацию абсолютизма в массовом сознании английского общества. Антиангликанская мифология нашла свое выражение в пуританизме, который мобилизовал и заставил действовать единым фронтом все течения социальной и политической оппозиции абсолютизму.

В представленной статье на основании опубликованных источников и имевшейся в распоряжении автора литературы сделана попытка

анализа пуританизма как национально-революционной мифологии с позиций универсалистского подхода, в рамках которого, в частности, было сформулировано следующее теоретическое положение: «Политическая мифология есть совокупный, иносказательно выраженный коллективный опыт взаимодействия различных субъектов в их отношении к институтам власти и сохранения политического суверенитета»(6;32). Данный методологический принцип интерпретации сущности политической мифологии берется нами за основу собственной позиции.

Реформация не столько устранила стремление католической церкви во имя «заботы» о судьбах паствы в мире потустороннем «опекать» ее при жизни земной, сколько способствовала установлению в ряде государств Европы политических режимов иерократического толка - прямых, скрытых или косвенных диктатур профессиональных жреческих элит, получивших реальные возможности для осуществления своего контроля над частной и общественной жизнью верующих. «Реформация, - справедливо отмечал О. Шпеиглер, - упразднила всю целиком светлую и утешительную сторону готического мифа: культ Марии, почитание святых, мощи, иконы, паломничества, святые дары. Миф о дьяволе и ведьмах остался, ибо он был олицетворением внутреннего мучения, которое лишь теперь и достигло своего полного размаха»(9; 311).

Может показаться, что в Англии со времен Реформации позиции духовенства были подорваны: монастыри вследствие секуляризации лишились своих земельных владений, королевская администрация стала активно вмешиваться в организацию богослужений, королевские суды получили права полной юрисдикции над делами о «богохульстве», «ересях», «колдовстве». В действительности же Реформация привела не к ослаблению, а к значительному укреплению социального и политико-правового статуса английской религиозной корпорации. Профессиональная жреческая элита, ранее исповедовавшая «островной вариант» католицизма и номинально подчинявшаяся папскому престолу в Риме, была поставлена на службу абсолютизму и королю и взамен эфемерной «духовной» власти над обществом получила реальную политическую власть.

В результате некогда дарованная Отцом Небесным харизма была вполне по-марксистски наполнена «материалистическим содержанием», и реформированная таким образом церковь стала представлять собой одно из наиболее эффективных звеньев английского абсолютизма. Теперь главная задача английской церкви заключалась в выработке и социальной трансляции официальной государственной мифологии, призванной защищать интересы правящей жреческой и идейно смыкавшейся с ней военно-аристократической элиты от возможных посягательств.

Изменился и характер королевской власти. Монарх не просто возглавил церковь, но принял на себя духовные и политические полномочия пастыря-народоводителя - «меч и порфиру кесаря». Первое лицо

государства стало земной проекцией и вечной актуализацией Царя Небесного, «Князем Мира сего», «Великим Первосвященником» и «Великим Инквизитором», представшим в образе вочеловеченного Божества. «Короли, - со всей определенностью говорил Яков I, - являются не только заместителями бога на земле и занимающими его трон, но даже самим богом они признаны богами»(4; 16).

Стабильная государственная власть в принципе не может овещаться религиозными обрядами, а тем более чудесами. Для религиозного сознания «святителем» всей вертикали власти должна быть сама должность главы государства - священная изначально и непосредственно, так что сама является своего рода «эксклюзивным» посредником с Небом. Если же власть нуждается еще в одном посреднике - она уже не высшая власть, а лишь служанка у подлинного посредника! Монарх, утрачивая прямую и непосредственную связь с Небесами, перестает быть легитимным харизматическим посредником, поскольку им становится иерократическая элита, которая сосредотачивает в своих руках не только управление бытовыми вопросами, нравственностью и ритуалами, но и всю сферу политики в ее профессиональном измерении. Ничто не может быть сделано без «благословения» священноначалия, так как религиозная элита предстает в имидже «столпа и утверждения истины» (1 Тим. 3:5).

В целом же партикуляристские интересы жреческой и военно-аристократической элиты с помощью религиозных учений и предписаний трансформируются в мифический образ «Абсолютного Монарха» и в данный ему свыше «Закон», так что реальный индивид, стоящий во главе государства, является пленником собственного мифического образа и слепым исполнителем умело направляемой руками правящей элиты «Божественной Воли», которую он не в силах преступить. *«Изволися Духу Святому и нам»* - эта формула христианского собора лучше всего выражает сущность иерократического режима абсолютистского толка, сформировавшегося в Англии на рубеже Средневековья и Нового времени в результате Реформации.

Однако имидж «Монарха - Бога» требовал и соответствовавших занимаемой должности харизматических успехов и побед, способствовавших реализации повседневных чаяний «английского человека» в их соотношении с нравственным идеалом английского народа. «Государственное богослужение, введенное актом о единообразии, далеко от католического, - подчеркивал А.Н. Савин. - Но для многих людей, которые искренне хотят остаться в лоне англиканской церкви, оно недостаточно далеко от него»(7;69). В чем здесь дело? Уж не в том ли, что отчетливо обозначившиеся разногласия в религиозной сфере отражали главный признак нарастающего когнитивного диссонанса английского общества - реальную антиномию между воспаряющими из бессознательных ментальных глубин национальной памяти архетипами должного и призванной заменить подлинную национальную мифологию политико-религиозной лже-мифологией сущего?

Макс Вебер был отчасти прав, когда указывал на то обстоятельство, что «раскол в английской церкви стал неодолимым с того времени, когда при Якове I королевская власть и парламент разошлись в догматической сфере»(1; 139). Мифология пуританизма (*purity* - англ. «чистота») как выражение недовольства реакционной политикой абсолютистской иерократии ведет свое начало с 90-х гг. XVI в. В ее предреволюционной истории принято выделять два этапа: 1) *доктринальный* (его содержанием была религиозная оппозиция пуританизма англиканской, государственной церкви) и 2) *политический* - слияние религиозного неконформизма с политической оппозицией правящему режиму Стюартов. Первый из указанных этапов дал о себе знать еще в годы правления Елизаветы I Тюдор. «Мы видим, - мрачно-эсхатологически позиционировал религиозный реформатор Д. Нокс, - что в правлении женщин простой народ угнетается, унижается истинная религия и жестоко проливается кровь христиан...»(4; 41). Предпосылки перерастания первого во второй были заложены в самом факте складывания в стране «революционной ситуации», поскольку переплетение церковного устройства и технологии политического властвования делало неизбежной наступление политической фазы пуританизма. Ход истории подтвердил правильность одного из «пророчеств» Якова I: «Нет епископа - нет и короля»(3:9). Монархический строй был уничтожен в Англии в 1649 г., всего лишь на три года пережив крушение епископального строя англиканской церкви (1646 г.).

Мифология пуританизма, оставляя большинство представителей английского общества среди «обездоленных» и «презираемых», способствовала как поискам новой «истинной» веры, так и распространению среди них милленаристских настроений. Воспринимая мир как арену борьбы сверхъестественных враждующих сил, люди того времени были заняты не только личным усовершенствованием, но и изменением существовавшего общества - явной преграды на пути воцарения «Града Божьего» на земле. Как отмечал М. Ласки, «никакой властью и политикой нельзя сохранить систему после того, как ее правду переставали признавать, или любое устройство после того, как оно перестало быть полезным»(8;20).

Распространение пуританизма побуждало даже самые забытые слои английского народа к интенсивным духовным поискам, связанных с переоценкой ценностей и выработкой самостоятельных ответов на, казалось бы, давно решенные вопросы. Политизированное и религиозное в своих основах общественное сознание в духе «*Labelling ideology*» конструировало социокультурное пространство в триадных связках по типу: «грешник - обычный человек - святой», где «латентной нормой» всех трех компонентов выступала «вера в чудо». Отсюда стремительный рост аудиторий всякого рода конгрегаций, распространения сомнений, резкие переходы от глубокого пессимизма и отчаяния к экстазу обретших истину, от массового богохульства до проявлений столь же массового религиозного энтузиазма.

Народно-реформационные движение 30-40-х гг. XVII в. (сектанство) - оборотная сторона пуританизма.

- I. Элементы солипсизма, заключавшиеся в кальвинизме и будучи доведенными в пуританских сектах до логического конца, приводили к такой экзальтации личности, что акт «спасения» стал толковаться в близком к арминианству духе, когда потусторонняя судьба верующего была вручена ему самому;
- II. Замена кальвинистского рационализма различного рода мистическими учениями обусловила распространение в стране таких течений Реформации, которые отвергали не только англиканскую церковь как «гнездо заблуждений», но и существующие условия социального и политического порядка, «царства сатаны и несправедливости»;
- III. Если в начале XVII в. пуританизм являлся отражением возникновения буржуазно-дворянской оппозиции абсолютизму Стюартов, то появление народно-реформационных движений было живым примером выработки подлинно национальной мифологии революции, отражавшей реальные устремления масс к общественному перевороту.

Пуританизм, в особенности в его расплывчатых версиях, представлял идейное оружие социально разнородной оппозиции абсолютизму. Отмечая революционную роль новой мифологии, Х. Хилл писал: «Суть пуританизма как революционной веры составляло упование на то, что улучшение человеческой жизни на Земле входит в замысел Бога и что люди могут постичь намерения Бога и сотрудничать с ним в целях их существования. Таким образом, самые сокровенные желания людей, если они проявляются с большой силой, могли быть восприняты как воля Бога» (Цит. по: 2;101). Данное высказывание несколько не противоречит более ранним выводам К. Маркса, согласно которым «Кромвель и английский народ воспользовались для своей буржуазной революции языком, страстями и иллюзиями, заимствованными из Ветхого завета» (5;120).

Действительно, массовое сознание английского общества, ведомое профессиональной и экономически сильной торгово-финансовой элитой, вначале пришло к реформаторскому отторжению образа монарха как Бога во плоти, а затем перешло к легитимизации революционной диктатуры, завершившейся переходом высшей власти к торгово-финансовой элите. Для удержания этой власти и недопущения возврата к так называемой «абсолютной монархии» олигархам (из числа представителей крупной национальной буржуазии и обуржуазившегося дворянства - джентри) пришлось конституировать ряд элементов народоправства, а именно - выработать режим, во многом предшествовавший современной «демократии». Именно об этом говорил О. Кромвель, заявляя, «что народ и только народ является основой и источником верховной власти, которую он воплощает в своих представителях» (10;36). Избрание представителей осмысливалось как договорный акт,

определявший форму правления, общие условия и порядок отправления власти: «народ» - это те, кто, основываясь на договоре, обладает правом собственности и, следовательно, свободой, дарующей право на участие в договоре.

Примечания:

1. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма [1904 - 1905]. / М. Вебер. Избранные произведения. Пер. с нем. - М.: Прогресс, 1990. - С. 61 - 208.
2. Дюмон Л. Эссе об индивидуализме. Пер. с фр. - Дубна: Издат. Центр «Феникс», 1997.
3. Законодательство Английской Революции 1640 - 1660 гг. / Отв. ред. Е.А. Косминский, сост. Н.П. Дмитриевский. - М.-Л.: Изд-во АН СССР. Институт Права, 1946.
4. Лавровский В.М. Сборник документов по истории английской буржуазной революции XVII в. - М.: Высшая школа, 1973.
5. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта [1852]. / К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 2-е изд. Пер. с нем. - М.: Госполитиздат, 1957. - Т. 8. - С. 115 - 217.
6. Полосин В.С. Миф. Религия. Государство. - М.: Ладомир, 1999.
7. Савин А.Н. Лекции по истории Английской революции. / Под ред. Е.А. Косминского. - М.: Гос. изд-во, 1924.
8. Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. Пер. с разн. яз. / Сост., общ. ред. и предисл. В.А. Чаликовой. - М.: Прогресс, 1991.
9. Шленглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Пер. с нем. В 2-х тт. - М.: Мысль, 1998. - Т. 2.
10. Puritanism and Liberty. Being the Army Debates (1647-1649) from the Clarke Manuscripts with Supplementaru Documents. Selected and edited with an introduction by A.S. Woodhouse. - London, 1938.

В.Ю. Туранин

Особенности терминологического аппарата в законодательных актах Древней Руси

Уже в глубокой древности лексика и фразеология языка законов имели особую терминологическую организацию, опирались, как правило, на народную почву, то есть использовался словарный фонд, исторически, традиционно сложившийся в данном конкретном обществе.

Первым законодательным актом древней Руси была Русская Правда (РП), которая дошла до нашего времени в различных редакциях. Наиболее ранняя, краткая, редакция Русской Правды посвящена в основном уголовному и уголовно-процессуальному праву, что отражало уровень общественного развития того времени, его потребности. В более поздней, Пространной, Правде, содержатся положения гражданского и семейного права (о долге, наследовании, опеке и т. д.). Терминология этого периода имеет свои особенности, поэтому важно проанализировать происхождение и специфику ее становления. Отнесение неко-